

УДК 81'374

DOI 10.30914/2072-6783-2022-16-3-423-429

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ И ЯЗЫКОВАЯ ОБЩНОСТЬ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОУСЛОВЛЕННОСТИ ЧАСТНОГО И ОБЩЕГО В ЯЗЫКЕ И ЛИНГВИСТИКЕ

Е. С. Ярыгина, А. А. Михеев, С. Н. Фёдорова

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья относится к числу научных работ, касающихся проблематики современных филологических теорий – языковая личность и языковая общность. Данная статья носит обзорный и аналитический характер, описывая актуальную и дискуссионную проблему подходов к роли автора по отношению к создаваемым им текстам, а также определяет ключевые проблемы описания языковой личности в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистических исследований. **Актуальность статьи** определяется дискуссионностью обозначенной проблематики и необходимостью систематизации накопленных знаний и определения общего вектора в понимании актуальных задач описания языковой личности, методологии составления портретов языковых личностей и понимания перспектив исследований языковой уникальности в рамках антропоцентрического подхода. Одной из значимых проблем интерпретации текста является противопоставление дискретности семантики текста относительно его восприятия автором и читателем, определяемого культурно-историческим контекстом и индивидуальным тезаурусом каждого конкретного автора и читателя. Теория текста, формировавшаяся с середины XX столетия, допускает автономию текста («смерть автора») и ставит под вопрос его однородность (теория интертекстуальности). Решением проблемы «размытости» понятия текста в контексте теории интертекстуальности становится переход от абстрактного понимания «поскутности» текста, сформированного в рамках данной теории, к формальному научному описанию, в частности лингвистическому, важным аспектом которого становится определение уникальности текста и индивидуальности языковой личности. **Новизна исследования** определяется комплексным анализом подходов к исследуемой проблематике из смежных областей науки о языке, определением на его основе перечня фундаментальных методологических проблем при решении ключевых задач исследований языковой личности. Основным **методом** является описательный, включающий анализ и систематизацию теоретико-методологических подходов к проблематике исследований языковой личности, являющихся ключевыми в научной литературе о языке.

Ключевые слова: языковая личность, антропоцентрическая парадигма, портрет языковой личности, методы описания языковой личности, психолингвистика, социолингвистика

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ярыгина Е. С., Михеев А. А., Фёдорова С. Н. Языковая личность и языковая общность: к вопросу о взаимозависимости частного и общего в языке и лингвистике // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 3. С. 423–429. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-423-429>

LINGUISTIC PERSONALITY AND LINGUISTIC COMMUNITY: ON THE QUESTION OF THE INTERDEPENDENCE OF THE PARTICULAR AND THE GENERAL IN LANGUAGE AND LINGUISTICS

E. S. Yarygina, A. A. Mikheev, S. N. Fedorova

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article belongs to the scope of works devoted to the problems of modern philological theories – linguistic personality and linguistic community. This article is of an overview and analytical nature, describing the actual and debatable problem of approaches to the author's role in relation to the texts he or she creates, and also defines the key problems of describing a linguistic personality within the anthropocentric paradigm of linguistic research. **The relevance** of the article is determined by the debatable nature of the identified issues and the need to systematize accumulated knowledge and determine a common vector in understanding the urgent tasks of describing a linguistic personality, the methodology of drawing portraits of linguistic personalities and understanding the prospects for research on linguistic uniqueness within

the anthropocentric approach. One of the significant problems of text interpretation is the opposition of the discreteness of the semantics of the text to the relativity of its perception by the author and the reader, determined by the cultural and historical context and the individual thesaurus of every particular author and reader. The theory of text, which has been formed since the middle of the twentieth century, allows for the autonomy of the text ("the death of the author") and calls into question its homogeneity (the theory of intertextuality). The solution to the problem of the "blurring" of the concept of text in the context of the theory of intertextuality is the transition from an abstract understanding of the "patchwork" of the text formed within the framework of this theory to a formal scientific description, in particular linguistic, an important aspect of which is the definition of the uniqueness of the text and the individuality of the linguistic personality. *The novelty* of the research is determined by a comprehensive analysis of approaches to the issues in question based on related fields of language science, specifying on its basis a list of fundamental methodological problems in solving the key tasks of linguistic personality research. *The main method* is descriptive, including the analysis and systematization of theoretical and methodological approaches to the problems of linguistic personality research, which are key in the scientific literature on language.

Keywords: linguistic personality, anthropocentric paradigm, portrait of a linguistic personality, methods of describing a linguistic personality, psycholinguistics, sociolinguistics

The authors declare no conflict of interest.

For citation: Yarygina E. S., Mikheev A. A., Fedorova S. N. Linguistic personality and linguistic community: on the question of the interdependence of the particular and the general in language and linguistics. *Vestnik of the Mari State University*. 2022, vol. 16, no. 3, pp. 423–429. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2022-16-3-423-429>

Определение места личности в языке обуславливает потребность в уточнении контуров окказионального в узуальном, специфического в пространстве прецедентного. Следуя логике постструктурализма, текст не может быть вполне уникальным, но (цитируя Юлию Кристеву) «строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-либо другого текста» [7, с. 167], следовательно, (цитируя Ролана Барта): «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту» [2, с. 418]. Говорящий не придумывает язык, но впитывает извне, пишущий пользуется привычными языковыми единицами. Складывая эти единицы в предложения, он следует общепринятым нормам грамматики, использует соответствующие тому или иному стилю средства. Складывая предложения в текст, пишущий следует тем или иным нормам жанра, принятой и усвоенной структуре, которой пользовались многие авторы до текста, создаваемого здесь и сейчас. Таким образом, если допустить абсолютизацию отмеченного подхода, языковая среда вполне определяет особенности устной речи и письма каждого индивида, что сближает нас с философскими позициями марксистской идеологии о первичности материального и доминировании «общественного бытия» над сознанием.

Ценность осознания личностной индивидуальности не допускает безусловного принятия формулировок, детерминирующих в абсолютной мере язык каждой отдельной личности внешней средой, не допуская уникальных отклонений. Сомнения в правомерности чрезмерно «обезличивающей» идеализации имеют под собой объективную почву: языковой и жизненный опыт, ценностные представления и языковой талант каждого человека, безусловно, различны. Следовательно, даже если допускать представление о языке любого автора как мозаики из явной и скрытой, осознанной и неосознанной цитации, то важным представляется и указать здесь, что такая мозаика потенциально способна складываться в бесконечное множество форм. Этот тезис можно проиллюстрировать сравнением: лицо каждого человека состоит из одинакового набора видимых черт, органов, генетически заимствованных нами от эволюционно предшествующих поколений, но лица людей, тем не менее, уникальны и узнаваемы. Язык Пушкина и Лермонтова, Есенина и Блока, Достоевского и Толстого, Шолохова и Солженицына различны, опытный читатель с большой вероятностью различит авторов, даже если их имена скрыть и тексты будут для него новыми. И тем более, язык классиков существенно отличается от языка талантливых

авторов XXI столетия. Живой язык – это не устоявшаяся классическая латынь, он неуловимо меняется каждый день, и ресурсной базой этих изменений являются отнюдь не только перестановки языковых единиц и заимствования из других языков. Такие смещения не могут происходить сами по себе в языке, как некой изолированной субстанции, но исходят из особенностей использования языка отдельными субъектами, говорящими и мыслящими на нем. Каждый из говорящих «здесь и сейчас» влияет на эволюцию языковой системы, тем более человек известный широкому кругу людей, будь то великий писатель прошлого или популярный блогер настоящего. Изолированное от автора изучение языка и текста, безусловно, допустимо и обладает неоспоримыми преимуществами в специфике научного исследования, но это сознательное упрощение объекта филологических исследований, позволяющее определить общее в совокупности частных, упростить «стандартизацию» исследований в научной парадигме и представить максимально объективную информацию о языке, как системе и инструменте.

В «гравитационном» поле антропоцентрической парадигмы формируется, однако, и обратный подход, направленный на изучение языковой уникальности, свойственной отдельной личности. Предметом исследований становятся не только языковые единицы, но также ценностная иерархия в структуре сознания говорящего, мотивационный уровень использования языка. В своей монографии «Русский язык и языковая личность» Ю. М. Караулов, рассматривая историю проявления интереса к роли личности в языке в филологических исследованиях, в выводах определяет этот процесс не сменой парадигм, но накопительным процессом (цитирую): «<...> процесс становления современных представлений – это не прямолинейный и односторонний процесс смены парадигм, но в первую очередь – процесс накопления идей» [6, с. 16]. Лингвистическая наука детально исследовала большой объем информации о языке: узусе, структуре языка, его истории. В конце XX века появляются исследовательские разработки Георгия Исаевича Богина¹ и Юрия Михайловича Караулова, в которых предпринима-

ются попытки конкретизации термина «Языковая личность», использовавшегося в научной литературе и прежде, например, в работах Виктора Владимировича Виноградова, но до тех пор не перешедшего в широкое употребление. В современных исследованиях закрепились толкование Ю. М. Караулова, который понимал под языковой личностью «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью». Исследователь дополняет: «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств. <...> Это углубление, развитие, насыщение дополнительным содержанием понятия личности вообще». Ю. М. Караулов описывает также иерархическую модель структуры языковой личности, включающую три базовых уровня: нулевой уровень (также названный вербально-семантическим, структурно-языковым) включает в себя единицы широкого узуса, общезыковые единицы элементарного порядка, например, личные местоимения, фразы «как пройти», «добрый день», «хорошая погода». На данном уровне, по мнению ученого, «нет возможностей для проявления индивидуального. В крайнем случае, на этом уровне мы можем констатировать нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций, которые сами по себе еще не дают сведений о языковой личности, о более сложных уровнях ее организации»; изучение первого уровня (также названного лингвокогнитивным, тезаурусным) предполагает выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в ее картине мира, в ее тезаурусе. Возвращаясь к упомянутому нами термину «интертекстуальность», данный уровень включает в себя, в том числе, и единицы прецедентности в широком смысле. Иерархия смыслов и ценностей формируется в результате жизненного и языкового опыта человека, который находит свое выражение в языке в прямых и аллюзивных отсылках к нему. Наконец, изучение второго уровня, называемого также «высшим, мотивационным уровнем устройства языковой личности», предполагает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитие языковой

¹ Богин Г. И. Типология понимания текста: учеб. пособие. Калинин : КГУ, 1986. 86 с.

личности, ее поведение, создание текстов, формирование иерархии смыслов и ценностей. Данный уровень более сложен, «менее ясен по своей структуре» и окончательно переносит нас в междисциплинарную сферу психолингвистики. В своей работе Юрий Михайлович предлагает также обобщенную структуру возможного лингвистического описания «портрета» языковой личности. Попытки конкретизации параметров такого описания предпринимаются в науке до сих пор, к примеру, ряд практических рекомендаций можно найти в статье практикующего психолога, психолингвиста Пузырёва Александра Владимировича «Языковая личность в плане субстратного подхода» [10].

Выводы

Однако, несмотря на длительно прорабатываемую в науке теоретико-методологическую базу, нам не удалось найти конкретных практических примеров создания полноценного описания той или иной языковой личности. Данный термин часто используется в исследованиях, касающихся весьма ограниченного набора аспектов индивидуальных языковых черт конкретного автора. Отсутствие масштабного перехода теории в практику обусловлено рядом объективных проблем:

1) указанные задачи предполагают изучение не изолированных текстов и речи отдельного человека, но их комплексное исследование в узком контексте конкретной коммуникативной ситуации и широком контексте языка. По мнению Л. Е. Азаровой: «Сознание человека является отражением действительности через призму общественно-сформированных языковых значений, понятий. Языковое сознание человека связано с его языковой деятельностью. Словарный состав языка репрезентует ту часть языковой картины мира, которая определяется благодаря номинации ее фрагментов» [1, с. 175]. Масштабность такого подхода исключает информативную и методологическую ограниченность ресурсами фундаментального языкознания (на всех уровнях) в силу того, что они в значительной степени абстрагированы от «говорящего» и сфокусированы на самой языковой системе. Так, к примеру, А. Р. Лурия отмечает, что термины «значение» и «смысл» в классической лингвистике практически синонимичны, тогда как в психологии и психолингвистике это противопоставленные понятия: «Значение есть устойчивая

система обобщений, стоящая за словом и *одинаковая для всех людей*. <...> Под смыслом, в отличие от значения, мы понимаем *индивидуальное значение слова*, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации» [8, с. 63]. Представляется явным, что сформулированные нами задачи по составлению комплексных портретов языковых личностей предполагают в том числе и аспект определения специфики смыслов в контрасте с их значениями. Сфера обозначенных нами интересов в области исследований языковой личности значительно переходит границы формирующихся и сформированных областей науки о языке и человеке, и должна включать, к примеру, дискурс-анализ, психолингвистику, социолингвистику, семиотику, методы автоматической обработки естественного языка и так далее;

2) это необходимость исключения недопустимой в науке субъективности. Характеристика языковой личности производится языковой личностью, которой является сам исследователь, таким образом интерпретация анализируемой языковой личности, особенно в области изучения мотивационного уровня, неизбежно будет преломляться призмой сознания, языкового опыта и языковых способностей самого интерпретатора. Его смысловая и ценностная иерархия неосознанно и неизбежно будет влиять на оценку смысловой и ценностной иерархии объекта исследования. Решением этой проблемы может являться глубокая проработка объективных параметров оценки, исключающих субъективность интерпретации при сохранении максимальной полноты описания;

3) изученные нами рекомендации к практическому описанию структуры языковой личности подходят для синхронической фиксации ее качеств, но языковая личность изменяется, языковой опыт может накапливаться и забываться, а способности развиваться и угасать. Наиболее выраженными являются возрастные изменения, в частности, глубоко изученный процесс развития речевых способностей детей, детально описанный в работах А. Р. Лурии («Язык и сознание»). Необходима проработка методологии в плане фиксации таких изменений, развития и регресса. Более того, изменяется и сам язык, к примеру, множество языковых единиц, которые находились

в пространстве актуальной речи XIX века, в XXI веке будут звучать вычурно. Оценивая погоду, человек может сказать «небо (тучами) затягивает», и это представляется нулевым уровнем. Но если современный человек произнесет «мироколицу замолаживает», то это может являться отсылкой к словарю В. И. Даля¹ или какому-либо архаичному тексту, что дает нам более ценную для определения уникальности языковой личности информацию. Но когда-то и где-то это являлось узусом, следовательно, фраза относилось к нулевому уровню. Одна и та же языковая единица, но произносимая в разных контекстах времени и коммуникативных ситуаций, может интерпретироваться различно и, следовательно, обладать различной значимостью в определении языковой уникальности говорящего;

4) исследование предполагает изучение колоссального объема информации: текстов и устной речи. Характеристика языковой личности, данная на основе анализа текстов одного дискурса, не позволяет вполне изучить ее особенности. Выбор тех или иных единиц зависит от множества факторов: разговорная ли это речь, деловое письмо, художественное произведение, запись в личном дневнике; кроме того, это зависит также и от адресата текста или речи. Таким образом,

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 2. И – О / под ред. И. А. Бодуэна-Куртенэ. 4-е изд., испр. и значительно доп. СПб. ; М. : Изд. Т-ва М. О. Вольфа, [1912], 1914. 2030 с.

исследование предполагает изучение максимально доступного объема языкового материала. Более того, не только самой языковой личности, но сопоставительного анализа окружающих его языковых личностей, т. к. определение уникального невозможно без сопоставления с окружающим. Решение этой проблемы требует привлечения «сверхчеловеческих» ресурсов компьютерной лингвистики, автоматической обработки естественного языка, позволяющих проводить разбор, категоризацию, кластеризацию практически неограниченного объема данных. Эти ресурсы позволяют выявить и распределить искомые единицы, однако ряд задач, в том числе интерпретация полученных данных, остается для решения лингвистами.

Заключение

Нами были отмечены пределы основных проблем, которые требуют решений, и за горизонтом которых будут возникать и новые. Воплощение этих решений, если данная проблема докажет свою актуальность для современной лингвистики, потребует ресурсов не одного исследовательского коллектива и, вероятно, не одного поколения исследователей. Конкретным воплощением работы может стать объемная база данных о языковой уникальности, энциклопедия языковых личностей прошлого, настоящего и будущего.

1. Азарова Л. Е. Понятие языковой личности в лингвистике // *Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska Lublin – Philologia sectio FF*. 2017. Vol. 35. Issue 1. Pp. 169–181. DOI: <https://doi.org/10.17951/ff.2017.35.1.169>

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

3. Буянова Л. Ю. Языковая личность как супертекст: специфика когнитивно-семиотической и ментально-культурной презентации // *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал: материалы I международной научной конференции (г. Барнаул, 5–7 октября 2011 г.)*. Барнаул : Алтайский гос. педагогический ун-т. 2021. С. 63–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26768371> (дата обращения: 15.05.2022).

4. Иванцова Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 4 (12). С. 24–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15645273> (дата обращения: 17.05.2022).

5. Карасик В. И. Языковая личность: аспекты изучения // *Язык и культура*. 2003. С. 362–363.

6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: монография / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Изд. 7-е. М. : Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

7. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 656 с.

8. Лурия А. Язык и сознание: монография. СПб. : Питер, 2021. 448 с.

9. Нагапетян К. Ж. Язык как граница бытия языковой общности // *Социальные и культурные процессы в российском приграничье: сб. научных ст. по матер. Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Омск, 10–12 октября 2017 г.) / ред. коллегия: П. Л. Зайцев, Л. А. Закс [и др.]*. Омск : Гуманитарный университет. 2017. С. 125–128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32548396> (дата обращения: 15.06.2022).

10. Пузырев А. В. Языковая личность в плане субстратного подхода // Опыты целостно-системных подходов к языковой и неязыковой реальности: [сб. ст.]. Пенза : ПГПУ, 2002. С. 22–28.
11. Ртищева О. В. Языковая личность в культуре: направления исследований // Верхневолжский филологический вестник. № 1 (24). 2021. С. 152–158. DOI: <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-152-158>
12. Турамуратова И. И. Языковая личность в пространстве национальной культуры // Интернаука. 2019. № 42–2 (124). С. 7–8.
13. Щедровицкий Г. П. Мышление. Понимание. Рефлексия: монография. М. : Наследие ММК. 2005. 800 с.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022 г.; одобрена после рецензирования 18.07.2022 г.; принята к публикации 22.07.2022 г.

Об авторах

Ярыгина Елена Сергеевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), es1957@mail.ru

Михеев Алексей Анатольевич

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и журналистики, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), scurra.42@yandex.ru

Фёдорова Светлана Николаевна

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), svetfed65@rambler.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Azarova L. E. Ponyatie yazykovoi lichnosti v lingvistike [The concept of language personality in linguistics]. *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, sectio FF-Philologia*, 2017, vol. 35, issue 1, pp. 169–181. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17951/ff.2017.35.1.169>
2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika [Selected works: Semiotics. Poetics]. Trans. from Fr. Comp., gen. edit. and intro by G. K. Kosikov, M., Progress Publ., 1989, 616 p. (In Russ.).
3. Buyanova L. Yu. Yazykovaya lichnost' kak supertekst: spetsifika kognitivno-semioticheskoi i mental'no-kul'turnoi prezentatsii [Linguistic personality as a supertext: specificity of cognitive-semiotic and mental-cultural presentation]. *Funktsional'no-kognitivnyi analiz yazykovykh edinit i ego aplikativnyi potentsial: materialy I mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Barnaul (5–7 oktyabrya 2011 g.)* = Functional-cognitive analysis of linguistic units and its applicative potential: Materials of the I International scientific conference (Barnaul, October 5–7, 2011), Barnaul, Altai State Pedagogical University Publ., 2021, pp. 63–65. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26768371> (accessed 15.05.2022). (In Russ.).
4. Ivantsova Y. V. O termine “yazykovaya lichnost'”: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovaniya [On the term of “language personality”: origin, problems, outlooks]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tomsk State University Journal of Philology, 2010, no. 4 (12), pp. 24–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15645273> (accessed 17.05.2022). (In Russ.).
5. Karasik V.I. Yazykovaya lichnost': aspekty izucheniya [Linguistic personality: study aspects]. *Yazyk i kul'tura* = Language and Culture, 2003, pp. 362–363. (In Russ.).
6. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost': monografiya [The Russian language and linguistic personality: monograph], res. ed. D. N. Shmelev, 7th edition. M., LKI Publ., 2010, 264 p. (In Russ.).
7. Kristeva Yu. Izbrannye trudy: Razrushenie poetik [Selected works: Poetics destruction]. Trans. from Fr., M., Russian Political Encyclopedia Publ., 2004, 656 p. (In Russ.).
8. Luriya A. R. Yazyk i soznanie: monografiya [Language and consciousness: monograph]. SPb., Piter Publ., 2021, 448 p. (In Russ.).
9. Nahapetyan K. Zh. Yazyk kak granitsa bytiya yazykovoi obshchnosti [Language as the boundary of being a linguistic community]. *Sotsial'nye i kul'turnye protsessy v rossiiskom prigranich'e: sb. nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Omsk, 10–12 oktyabrya 2017 g.)* = Social and cultural processes in the Russian border area: Coll. of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Omsk, October 10–12, 2017), editorial board: P. L. Zaitsev, L. A. Zaks [et al.], Omsk, Humanitarian University Publ. house, 2017, pp. 125–128. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32548396> (accessed 15.06.2022) (In Russ.).
10. Puzyrev A. V. Yazykovaya lichnost' v plane substratnogo podkhoda [Linguistic personality in terms of the substratum approach]. *Opyty tselostno-sistemnykh podkhodov k yazykovoi i neyazykovoi real'nosti: [sb. st.]* = Experiments of holistic and systemic approaches to linguistic and non-linguistic reality [col. of art.]. Penza, PSPU Publ. house, 2002, pp. 22–28. (In Russ.).

11. Rtischeva O. V. Yazykovaya lichnost' v kul'ture: napravleniya issledovaniy [Linguistic personality in culture: research areas]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* = Verkhnevolzhski Philological Bulletin, 2021, no. 1 (24), pp. 152–158. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-152-158>

12. Turamuratova I. I. Yazykovaya lichnost' v prostranstve natsional'noi kul'tury [Linguistic personality in the space of national culture]. *Internauka* = Interscience, 2019, no. 42–2 (124), pp. 7–8. (In Russ.).

13. Shchedrovitsky G. P. Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya: monografiya [Thinking. Understanding. Reflection: monograph]. M., Heritage MMK Publ., 2005, 800 p. (In Russ.).

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 22.07.2022.

About the authors

Elena S. Yarygina

Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), es1957@mail.ru

Aleksey A. Mikheev

Ph. D. (Philology), Senior Lecturer of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), scurra.42@yandex.ru

Svetlana N. Fedorova

Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Professor of the Department of Methodology and Management of Educational Systems, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), svetfed65@rambler.ru

All authors have read and approved the final manuscript.